

2

П Р И К А З

Походного отамана всех казачьих войск 17 января 1921 г. № 207

г.Суп-Дин.

§ 1.

Вернувшись из служебной командировки в лагерь на р.Эмель, штаб-офицер для поручений при мне подполковник Папенгутч представил мне доклад о состоянии отряда моего имени.

Основываясь на этом докладе, а также принимая во внимание репорты различных начальствующих лиц, жандарм в лагере при р. Эмель, основательно ознакомясь с приказами генерала Бакич и учитывая письма интернированных под Чугучаком различных лиц, я вывел свои заключения, каковые по долгу службы, ответственности перед родиной и войском считаю нужным об"явить в приказе.

§ 2.

В начале интернации отряда моего имени начальник его генерал Бакич совершенно пренебрег основным военным законом - держать связь с старшинами и за восемь месяцев пребывания в Китае, ни разу не потрудился запросить меня ни почтой, ни телеграфом, ни посылкой фельдегеря или командирующего офицера, имея к тому все средства. Из Чугучака в Кульджу и Суп-дин еженедельно приезжают торговцы и беженцы и они охотно взяли бы на себя труд передать мне письма и донесения. Каждый русский, приехавший из Чугучака, считает своим долгом зайти ко мне и представиться и мой к ним всегдашний вопрос - нет ли мне писем от генерала Бакич, получал обычный ответ - нет. Между тем генерал Бакич получал телеграммы в Пекин, в Читу, в Харбин и получал ответы, мне же что либо сообщить считал излишним.

Бакич имел романовский деньги и др. средства свыше 1000 офицеров, что безусловно давало ему полную возможность завязать со мной правильные почтовые сношения, но, очевидно, это было для генерала Бакич невыгодно.

В начале нахождения в Китае, а Чугучэке распространился слух о моем расстреле красными и вообще смерти, мне известно, что г.г. офицеры и каззак, интересовался судьбой самого атамана, заходили в штаб, спрашивали его обо мне, но штаб и его начальник совместно с начальником отряда упорно молчали и, не отрицая слуха, ничего не сделали для выяснения его. Судьбе угодно было сохранить меня и я сам известил отряд о своем месте нахождения. Приказы, кои я послал в Чугучак, частям не об"являлись, т.к. не было бумаги. Оправдание неудачное, ибо деньги на бумагу были в отряде, а бумага в Чугучэке есть, доказательством чему служит покупка мной бумаги у чугучакских торговцев. Генералу Бакич, а тем паче его начальнику штаба должно быть известно, что в азмнских частях существует еще и такой порядок: приказ, нужный для об"явления, посылается известным по частям, где его или переписывают, или просто прочитывают. Из дальнейшего будет ясно причина скртия моих приказов - просто надо было из"ять имя атамана Дутова из жизни и все внимание сосредоточить на господине генерале Бакич.

Не имея совершенно средств, не имея перевозочных материалов, я тем не менее смог дважды командировать офицера в лаверь на реке Змель и кроме того пользовался и телеграфом и попутчиками, дабы связаться с отрядом. Оба моих офицера благополучно прибыли в Суп-Дин и выполнили поручения. Командир всего атаманского полка нашел же возможным прислать своих двух офицеров с донесениями, полагаю, что начальник отряда имел больше способов в своем распоряжении для связи. Мне, измученному походом и больному нужен был экипаж, я обратился к генералу Бакич и получил отказ, тогда как командир полка полковник Шаин нашел же способ прислать мне два фургона и так во всем. Генерал Бакич пишет мне письмо "Дорогой Войсковой Атаман", из"являет мне остороги, что я жив и т.п. на деле же все обратно. При от"езде моего

штаб-офицера Папенгут, ген.Бакич заявил, что он прекращает всякие сношения со мной и что атаман Дутов конфиденциал свою деятельность. Что генерал Бакич прекращает свои сношения - это для меня не новость, ибо он их и не начинал, а были лишь остатки самой обычной вежливости - ответ на мои письма и запросы; что же касается прекращения моей деятельности - это дело мое, а не ген.Бакич. Я русский, а не иностранец, как ген.Бакич и для меня интересы России дороже всего, я прекращу свою работу лишь за смертью. Ген.Бакич и его начальник штаба заявили моему штаб-офицеру, что они не верят в возможность ухода в Россию и что он делает все, чтобы убедить начальников частей в невозможности дальнейшей борьбы его отрядом. Все порывы истинно русских людей, желавших продолжения борьбы за правое дело, ген.Бакич или наказываются заключением в китайской тюрьме или, как напр.ген.Никитина откомандировывают из отряда. Начальник отряда со своим штабом до того не заинтересованы в том, что делается в пограничной полосе России, что разведка совершенно откинута и когда в июле 1920 г. во время Атейского движения командиры частей просили средства на разведку и из"являли желание принять участие, ген.Бакич категорически отказал в этом. Подки сами на свои средства послали агентов. Когда генерал Анисимов из"явил желание информировать отряд, ген.Бакич отказал ему в пуде серебра на это дело.

Печальная история ухода Красного Креста из лагеря есть непонимание ген.Бакич своих прав. Считаю уместным напомнить ген.Бакич, что я, передавая ему отряд, подписал приказ, определяющий его права как командира не отдельного корпуса, между тем ген.Бакич в переписке с А.А.Будыгинным передергивает "Полож.с пол.упр.", присваивая себе права чуть ли не главнокомандующего. Мне известно, что в части попал приказ, где были указаны права ген. Бакич, как командир корпуса отдельного - это умышленно недровидная перепечатка.

Зимняя заготовка баранов обошлась отряду в среднем по 11 рублей за голову, между тем любой скотопромышленник из Кульджи перегнал бы баранов в Чугучек за половинную плату. Баран в Илейском крае на серебро стоит 3 р.50 коп. или 4 рубля. Не вижу экономии в расходе серебра и вместо того, чтобы за 60.000 руб. серебра купить 5.000 баранов, можно было купить их 15.000 голов и обеспечить отряд вплоть до 1922 года. Удивляюсь и тому обстоятельству, что ген.Бакич с налету захватывает 1/3 часть серебра бывшего у консула Долбенева, скот у Шевченко и тем лишает отряд кредита от посланника в Пекине, но не считает нужным взять 13.000 гурт баранов, пасущихся у Чугучака, закупленный еще агентом Сибирского правительства. Генерал Бакич ежедневно недополучает 2000 дин муки, что пагубно для отряда, не оставляет без внимания 30.000 пуд. пшеницы закупок Анненкова, кои ссыпаны в Чугучаке. Не думаю, чтобы это было неизвестно ген.Бакичу, раз известно мне - причина, очевидно, в том, что ген.Бакич не сумел завоевать себе расположение как среди населения, так и среди местных адестей. Мне известны случаи неприятия генералом Бакичем местными китайскими начальниками - это уже оплеуха по всему отряду.

Удивляет меня еще и то обстоятельство, что при отряде существует казначейство, но серебро хранится начальником отряда у себя под кроватью, что это? Акт недоверия присяжным чинам Государственного казначейства или здесь неведомая тайна. Во всяком случае это незаконно и не дело начальника отряда лично выдвигать мешки с серебром. Можно вести учет иным порядком. Мне известно, что перевод, сделанный генералом Анисимовым в размере 25.000 дин до сего времени не получен, ибо начальник отряда требует выдачи его золотом и а то же время отряд буквально голодает. Имеет в отряде все мастерские, инструменты, огромное количество обозов и лошадей, значительный запас серебра и др. ценностей, имеет огромный комплект всякого рода специалистов -

- 5 -

инженеров, коммерсантов, агрономов и мастеров всех цехов - преступно просидеть 8 месяцев и не создать мастерового городка. При наличии таких сил и средств можно бы забить все местные фирмы.

Распоряжения ген.Бакич свелись в отряде к тому, что воинский отряд превратился в лагерь беженцев с полным отсутствием дисциплины и воинских отличий, каждый живет по себе и для себя. Некоторые части разбились по поселкам и сходкой решают вопрос службы и порядка. Меру, принимаемую подполковником Степановым и генералом Шеметовым к поднятию дисциплины и порядка, сочувствия в штабе отряда не встречают. Особым белым в отряде для ген.Бакич служит мой атаманский полк в виду сохранения им в полном объеме асинской дисциплины. Но в то же время ген.Бакич усиленно подчеркивает, что его отряд военный, когда дело касается заработка отдельными чинами или организациями или какого либо коммерческого предприятия.

Подполковник Попенгут был свидетелем прибытия в Чугучак офицера любимой ген.Бакич Сызранской дивизии в 30 град. мороз в одной равной шинели, надетой на равное белье и имея на ногах куски кошмы вместо сапог. Что же тогда делается с казаками. Волосы становятся дыбом. Попытка реквизировать частной инициативой созданный кожевенный завод закончилась крахом завода и вместо получения 11,000 овец, полученных от с"еженных к 1 августа баранов, выдано на полк по 10 плохо обделанных шкурок, но штаб получил полностью.

У меня имеются данные, что ген.Бакич в начале интернации пытался увести отряд в Пекин, о чем шла усиленная переписка с русским посланником, совершенно уведомляя меня об этом, между тем более 80% отряда составляют Оренбургские казаки и атаману, очевидно не безинтересно знать, куда ведет их начальник, поставленный тем же атаманом.

Знакомись с жизнью отряда по приказам, я из 105 №№ мне присланны

усмотрел, что 31 приказ посвящен судебной части, т.е. 30% всех приказов составляют судебные дела и приговоры - это тогда, когда нет бумаги. Да разве судом исправляют подчиненных. Господин генерал, надо уметь поставить себя так, чтобы не судный приговор заставляет исполнять, приказы, а уважение к начальнику. Обычно, все арестованные отправляются в ямынь (китайскую тюрьму). Ведь всем известно, что из себя представляет китайская яма и в нее сажают тех русских, кои 5000 верст прошли с огромными лишениями, неся с собой огромную любовь к родине. За что такое издевательство над русским, да еще в чужой стране, с полудеспотическими законами. Я страдаю душой за всех русских Чугучак и Омеля. Венерату Бакич, как сербу, может быть неясны мои побуждения, но я не могу больше допустить издевательство над русскими-славянами. Я оценил заботы ген.Бакич об отряде, бывшие в Семиречьи и в начале интернации благодарил приказом и произвел в генерал-лейтенанты, но генерал Бакич забыл, что, принимая отменя производств, он тем самым подчиняется мне всецело. Генерал Бакич принял все меры к тому, чтобы разложить отряд и держать его полуголодным и голым, очевидно, надеясь, что к весне подчиненные уйдут от ген.Бакич, он может поехать на Дальний Восток, выполнив свою задачу, окруженный почетом. Эти расчеты ошибочны и настоящий приказ мною послан как в Пекин дипломатическому корпусу, так и в Харбин генералу Анисимову.

Генерал Бакич забыл, что отряд носит мое имя и я не могу допустить чтобы оно трепалось зря.

Генерал Бакич, получив мои подробные сообщения и приказы, ответил на них краткой, безсодержательной бумагой, приложив стихи анненковского сочинения. Считаю подобное отношение к высшему государственно делу освобождения России - издевательством. Мною был командирован в лагерь на р.Омеля штаб-офицер для поручений при мне капитан Папенгут и он доложил мне, что ген.Бакич запретил ему доклад от моего имени комманде отряда и не допустил капитана Папенгута, между тем посланный

офицер удостоверением был уполномочен говорить от моего имени. Я не могу понять, как ген. Бакич, состоя начальником отряда моего имени, решился не допустить заместителя шефа. Это и оскорбление мне и нарушение воинской вежливости. На оперативный приказ о выходе в Россию, ген. Бакич ответил полным отказом, заявив, что отряд не пойдет в Россию и что он не боеспособен. На приказ о выдаче серебра для общего дела спасения России, переданное лично генер. Бакич капитаном Папенгут, генерал Бакич ответил отказом и на вторичный приказ мой по телеграфу послал свою революцию, которую прислужу как в доказательство понимания ген. Бакич русского дела и русского языка: "телеграмму читал и на совещание начальства обсуждалась отряд находится в очень тяжелых условиях и более чем ранее решено было нет возможности пока ничего уделить, офицеры, казаки и солдаты голые и босие". Нач. отряда Г. Л. Бакич 23 окт. 1920 г."

Дважды генерал Бакич не исполнил моего боевого приказа, хотя бы и прикрылся совещанием начальства.

Исходя из всего этого, я не могу более быть равнодушным к делам отряда моего имени на реке Демель и ради спасения казаков и русских людей, интернированных у Чугучака, принимаю решительные меры. Русская пословица говорит, что "рыба тухнет с головы", в поэтому я властью, мне данной отрешаю от должности начальника моего имени на реке Демель ген-лейт. Бакич и его начальника штаба ускоренного выпуска генерального штаба генерала-майора Смольнича.

§ 3.

В должности начальника отряда моего имени на реке Демель вступаю начальник Оренбургской казачьей дивизии генерал-майору Шеметову, а в должность начальника штаба отряда полковнику Кострову.

§ 8 -

§ 4.

Копии настоящего приказа послать почтой в Пекин дипломатическому корпусу и российскому посланнику князю Кудашеву и в Харбин генералу Анисимову.

§ 5.

Немедленно телеграфировать в Пекин дипломатическому корпусу, российскому посланнику князю Кудашеву и в Харбин генералу Анисимову о смене мною генерала Бакич с должности начальника отряда и назначении таковым генерал-майора Шеметова, на имя которого и просим делать все будущие ^{финансы} переводы и через генерала Шеметова оказывать помощь отряду.

§ 6.

В развитие этого приказа, считаю должным провести параллель между отрядом на р.Эмель и моими отрядами в Суп-Дин, Назарь и Чампандае.

Отряд на реке Эмель имел при переходе границы массу лошадей, более 6.000 и болже 1500 повозок, не считая экипажей. Все мастерские много инструмента, госпиталей, медикаментов, запасы денег в полковых ящиках и запасы денег в отрядном казначействе. Точно определить количество денег нельзя, но по некоторым данным было 100.000.000 сибирскими знаками, каксе количество романовских денег и проч. знака мне неизвестно.

Перейдя границу, отряд вывел с собой на первое время порционный скот и хлеб. Кроме того, согласно письма нач.отряда ген.Бакич от 25 мая 1920 г. за № 195 на мое имя, ген.Бакич закупил 1500 баранов, получил от русского консула 10.000 пудов пшеницы, 350 пудов табаку, 15.000 пудов рису, 8.000 баранов, бязи на 4.000 комплектов белья и 243 пуда серебра, что переводя на лань составит сумму в 140.000 лан, да получил перевод от ген.Анисимова в 25.000 лан - всего 165.000 лан. Я не считаю ^{урада} различного рода законные продажи, аукционы. Согласно того же письма всего интенированных с беженцами до 6.000

человек. Таким образом на человека приходится по 27½ лан или в лан или в тенгах 96 на человека. По последним донесениям отряд гол и бос и полуголоден и живет в норах, теряя воинский вид и дисциплину.

Мой отряд имеет 1015 человек, состоит из Семиреченского кадрового пластунского батальона в Чампандае силою в 215 штыков, казачьего полка в Мазарь в 512 шагов и моего личного отряда в 278 чел. Мы имели при переходе границы 4 миллиона сибирскими знаками и 35,000 рюмбовских и никаких запасов, по плану общего числа лошадей и только казачий полк имел обоз. Пришли в местность расположенную, пройдя от границы 280 верст по горам и камням, буквально босые и голые и вдвоем голодные. Мой отряд получил от китайских властей по 1½ динна муки и ничего больше. Усилиями русских людей в Ийском крае отряду была дана денежная помощь за все 8 месяцев в размере 15,000 лан, что приходится на человека около 15 лан или около 50 тэнг. Отряд имеет свои мастерские по всем отраслям производства во всех трех пунктах, особенно хороши кузницы, слесарные и пимокатные. Отряд имеет ежедневно обед из двух блюд и мясной ужин. Все это бесплатно. В Чампандае и Кульдае отряд имеет бесплатные столовые для беженцев. Каждый офицер и казак моего отряда получил: полушубок, папаху, сапоги, пояс, две смены белья, две пары портянок, полотенце, ~~две~~ верхнюю рубашку, штаны, фуражку, и пару погон.

Мы построили казармы с двумя ярусами нар, крытых циновок, с окнами и дверями, имеем баню, церковь, библиотеку и офицерское собрание. Полный порядок и воинская дисциплина, но мы не имеем ни одного врача и ни одного специалиста, в этом наше несчастье. Отряд всегда готов к выходу в Россию.

Офицеры живут в общежитиях, семейные в землянках.

Этот параграф приведен для сравнения того, что можно сделать, когда этого хочешь.

- 10 -

§ 7.

Приказ этот прочесть во всех сотнях, ротах, батареях и командах.

Подп. Подписал: Генерального штаба генерал-лейтенант ДУТОВ.

Копия верна:

Штаб офицер для поручений подполковник Пененгут.

Верно: архивариус партиархива Новосиб.
Обкома ВКП(б) Тихоусова.